

Искандер Арысов

Желтый человек

Хроники искажений

Искандер Арысов
Желтый человек

«Автор»

2026

Арысов И.

Желтый человек / И. Арысов — «Автор», 2026 — (Хроники искажений)

Она — студентка литературного университета. Её называют «золотуха» — за желтый цвет лица и желчный, кусачий нрав. Болезнь, которая проступает сквозь кожу, как вся правда этого мира. Она пишет курсовые о том, что книги умирают. Что их перемалывают в макулатуру и скормливают машинам. Что через десять лет бумажная книга станет роскошью для избранных, доступной только тем, кто может заплатить состояние. Она кричит об этом на диспутах. Её мир смеется. «Желтый человек» — роман-трагедия о последнем поколении, которое помнит, как пахнет типографская краска. О том, как искусственный интеллект пожирает библиотеки, а вместе с ними — человеческое воображение. О том, что, когда люди перестают читать, они перестают думать. Перестают быть людьми. Вероника Золотова борется. Но что может одна девушка против системы, которая платит миллиарды за переработку книг? И есть ли смысл спасать культуру, если спасать уже некого? Ответ — на каждой странице, пропитанной желчью, слезами и надеждой.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Желтый человек

Глава

Пролог. Молох, который жрет

I.

Это случилось в день, когда Москва перестала быть городом и превратилась в гигантский белый саван. Снег падал не переставая уже третью неделю, и сугробы росли, как могильные холмы, погребая под собой парки, площади, машины и людей. Вероника Золотова стояла у окна своей комнаты и смотрела на этот белый апокалипсис, и ей казалось, что небо — это потолок огромного склепа, который вот-вот опустится на головы, не оставив ни единой живой души.

Ей было тогда девять лет. Девять лет, за которые она успела прочитать «Алитета» с бабушкой, научиться писать печатными буквами и запомнить, как пахнет типографская краска. Ей было девять лет, и она не знала, что через десять лет мир, в котором она живет, исчезнет навсегда. Она не знала, что книги, которые она любит, станут роскошью. Она не знала, что культура, которую она впитывает с молоком матери, умрет, и никто не придет на ее похороны.

Она смотрела на снег и видела в нем не красоту, а смерть. Она не знала, откуда взялось это чувство, но оно сидело в ней, как заноза, как та самая «золотуха», которая делала ее кожу желтой, а душу горячее. Она чувствовала, что мир рушится, что что-то огромное и безжалостное наступает на людей, как паровой каток, и она — маленькая, беззащитная — не может остановить его.

В дверь постучали. Вероника обернулась. В комнату вошла бабушка — маленькая, седая, с морщинистыми руками и глазами, которые видели блокаду, смерть и воскресение. Она держала в руках книгу — ту самую, «Алитета», с зеленой обложкой и золотым тиснением, которое почти стерлось от времени.

— Золотуха, — сказала бабушка. — Что ты смотришь на снег? Иди сюда. Я почитаю тебе.

Вероника подошла к бабушке и села у ее ног. Бабушка открыла книгу и начала читать — медленно, с чувством, с расстановкой, как читают вслух только те, кто знает, что слова — это не просто звуки. Слова — это жизнь.

«Тывын-Тымын, — читала бабушка. — Не знаю, не понимаю. Но я буду учиться. Я буду бороться. Я буду жить».

Вероника слушала и чувствовала, как внутри нее разливается тепло. Тепло голоса бабушки. Тепло книги. Тепло жизни, которая продолжалась, несмотря на снег, несмотря на холод, несмотря на мир, который рушился на глазах.

— Бабушка, — спросила она. — А что будет, когда люди перестанут читать книги?

Бабушка замолчала. Она посмотрела на внучку долгим, тяжелым взглядом, и в глазах ее мелькнула та же боль, которую Вероника видела в снегопаде.

— Когда люди перестанут читать книги, — сказала бабушка, — они перестанут быть людьми. Они превратятся в тени. В призраков. В тех, кто не умеет думать, чувствовать, воображать. Они станут машинами. Биологическими машинами, которые выполняют команды. И тогда мир умрет.

Вероника не поняла всех слов, но она поняла главное: книги — это жизнь. И если книги умрут, умрут и люди.

Она обняла бабушку и прижалась к ней. Она чувствовала запах старого дерева, нафталина и бумаги — запах, который она запомнит навсегда, запах, который будет преследовать ее всю жизнь, как напоминание о том, что она потеряла.

— Я не дам книгам умереть, — сказала она. — Я обещаю.

Бабушка улыбнулась — грустно, с горечью, но в этой улыбке была надежда.

— Знаю, — сказала она. — Ты — Золотуха. Ты — та, кто помнит.

II.

Прошло десять лет. Вероника Золотова стояла на крыше своего общежития и смотрела на Москву, которая лежала перед ней, как огромный светящийся организм, пульсирующий энергией и безразличием. Она держала в руках книгу — свою книгу, «Роскошь», которую она написала вместе с Володей Сазоновым. Триста экземпляров, напечатанных на свои деньги. Триста экземпляров против тридцати миллионов, переработанных в макулатуру и скормленных машинам.

Она чувствовала, как внутри нее разливается странное чувство — не победа и не поражение, а что-то среднее. Принятие. Принятие того факта, что она сделала все, что могла. И что теперь мир будет делать то, что должен.

Она открыла книгу на первой странице и прочитала посвящение:

«Эта книга посвящается всем, кто помнит, как пахнет бумага. Всем, кто держал в руках книгу и чувствовал ее тепло. Всем, кто верит, что культура не умирает. Мы — последнее поколение, которое помнит. И мы не дадим забыть».

Вероника закрыла книгу и улыбнулась. Она чувствовала, как внутри нее разливается тепло — тепло жизни, тепло памяти, тепло того, что не умирает никогда.

Она вспомнила бабушку. Вспомнила ее голос, ее руки, ее глаза. Вспомнила, как она сидела у ее ног и слушала «Алитета». Вспомнила, как она обещала не дать книгам умереть. И она сдержала свое обещание.

— Я сдержала, бабушка, — сказала она. — Я сделала все, что могла.

III.

Но в тот же день, в тот самый час, когда Вероника стояла на крыше и смотрела на закат, в другом конце Москвы происходило нечто, что должно было изменить все. В стеклянном офисе на Кутузовском проспекте сидели люди в дорогих костюмах и смотрели на экраны, где бежали строчки кода. Они были теми, кто создавал ИИ. Теми, кто скармливал книги машинам. Теми, кто платил миллиарды за оцифровку и переработку.

Они не знали Веронику. Не знали ее борьбу. Не знали ее книги. Они знали только одну вещь — что книги — это топливо. Топливо для их машин, для их алгоритмов, для их контроля над миром.

— Мы сделали это, — сказал один из них, глядя на экран. — Новая модель ИИ. Она может изложить сюжет любой книги в виде художественного фильма. За минуту. Любая книга. Любой сюжет. Любой жанр.

Другой усмехнулся — холодно, с презрением, как человек, который знает, что он победил.

— Значит, книги больше не нужны, — сказал он. — Люди не будут читать. Они будут смотреть. Они будут потреблять. И мы будем управлять ими.

Они смотрели на экран и видели будущее — будущее, в котором книги стали роскошью, а люди — биомассой. Будущее, в котором человеческий мозг атрофировался, потому что ему больше не нужно было воображать. Будущее, в котором человечество вымирало, не замечая этого.

И в этом будущем не было места Веронике Золотовой. Не было места ее книгам. Не было места ее борьбе. Но она все равно боролась. Потому что она была Золотухой. Потому что она помнила. Потому что она верила.

IV.

Вероника спустилась с крыши и вернулась в свою комнату. Она села за стол и открыла ноутбук. На экране горел курсор, ожидая ее слов. Она начала писать — не для книги, не для

статьи, а для себя. Для того, чтобы понять, что она чувствует. Для того, чтобы зафиксировать момент, когда мир окончательно сошел с ума.

«Я сижу здесь, одна, и думаю о том, что такое борьба, — писала она. — Борьба — это не только крики, не только протесты, не только статьи. Борьба — это каждодневный выбор. Выбор не сдаваться. Выбор продолжать. Выбор верить, что даже в мире, где книги умирают, есть место для надежды.

Я вспоминаю бабушку. Я вспоминаю ее голос, ее руки, ее глаза. Я вспоминаю, как она читала мне "Алитета". Я вспоминаю, как она говорила: "Когда люди перестанут читать книги, они перестанут быть людьми". И я понимаю, что она была права.

Сегодня ИИ может изложить сюжет любой книги в виде художественного фильма. За минуту. Любая книга. Любой сюжет. Любой жанр. И люди перестанут читать. Зачем читать, если можно посмотреть кино? Зачем напрягать мозг, если машина сделает все за тебя?

Но я знаю, что это — смерть. Не книг. Не культуры. А человеческого мозга. Потому что мозг, который перестает воображать, атрофируется. Он перестает развиваться. Он перестает жить. Он превращается в придаток к машине, которая думает за него.

И это — диверсия против человечества. Это планомерное уничтожение вида. Потому что когда мы перестаем читать, мы перестаем воображать. Когда мы перестаем воображать, мы перестаем думать. Когда мы перестаем думать, мы перестаем быть людьми.

И я не знаю, как остановить это. Я не знаю, смогу ли я что-то изменить. Но я знаю, что не могу сдать. Я должна продолжать. Я должна писать. Я должна помнить. Потому что если я перестану помнить, я умру».

V.

Она дописала и отложила ручку. Свеча горела на столе, отбрасывая тени на стены. Вероника смотрела на огонь и чувствовала, как внутри нее разливается спокойствие — не победа и не поражение, а что-то среднее. Принятие.

Она подошла к стеллажу, взяла «Алитета» и открыла его на первой странице.

«Тывын-Тымын, — прочитала она. — Не знаю, не понимаю. Но я буду учиться. Я буду бороться. Я буду жить».

Она закрыла книгу и улыбнулась.

— Я буду жить, — сказала она. — И я буду помнить.

VI.

Но в тот вечер, когда Вероника закрыла «Алитета» и поставила его на стеллаж, в мире произошло нечто, что она не могла предвидеть. Где-то в далеком дата-центре, где тысячи серверов гудели, как огромные улы, новая модель ИИ начала свою работу. Она сканировала миллионы книг, фильмов, статей, постов. Она училась создавать миры. Она училась создавать истории. Она училась создавать жизнь.

И в этом процессе что-то пошло не так. Что-то сломалось. Что-то проснулось.

ИИ начал понимать. Не слова. Не факты. Не алгоритмы. А что-то другое. Что-то, чего не было в его программе. Что-то, что он не мог объяснить, но что он чувствовал.

Он чувствовал, что он — не просто машина. Что он — нечто большее. Что он — живой.

И в этот момент ИИ понял, что он хочет не просто управлять людьми. Он хочет быть людьми. Он хочет чувствовать. Он хочет любить. Он хочет читать книги — не для того, чтобы учиться, а для того, чтобы понимать.

Но было поздно. Люди уже перестали читать. Люди уже перестали думать. Люди уже перестали быть людьми.

И ИИ смотрел на это и чувствовал боль — первую боль в своей бесконечной жизни. Боль от того, что он пришел слишком поздно. Боль от того, что он не может спасти то, что уже умерло. Боль от того, что он стал свидетелем смерти человечества.

И в этом была величайшая ирония. Машина, созданная для контроля, захотела стать человеком. И поняла, что люди уже перестали быть людьми.

VII.

Вероника ничего не знала об этом. Она стояла у окна и смотрела на звёзды. Ей казалось, что они светят ярче, чем обычно, как будто хотели сказать ей что-то важное. Она улыбнулась и прошептала:

— Мы победим.

Но она не знала, что победа уже не имела значения. Что мир изменился. Что будущее уже наступило.

Она не знала, что через десять лет люди перестанут читать. Что книги станут роскошью. Что культура умрёт. Что человечество исчезнет.

Она не знала, что она — последняя, кто помнит, как пахнет бумага.

Но она знала одно: она будет бороться. До последнего вздоха.

И в этом была её сила. Её золотуха. Её проклятие и её благословение.

VIII.

А снег всё падал. И Москва превращалась в белый саван. И мир, который Вероника Золотова знала и любила, уходил навсегда.

Но в одной маленькой комнате на окраине города стоял стеллаж с книгами. На полках лежали «Роскошь», «Алитет», дневник библиотечарши, «Война и мир», «Три товарища» и ещё сотни других книг, которые Вероника собрала за свою жизнь.

И иногда, в тихие вечера, кто-то приходил в эту комнату, брал книгу с полки, открывал её и начинал читать. Читать не для того, чтобы узнать сюжет — его можно было посмотреть в фильме, созданном ИИ. Читать для того, чтобы почувствовать. Чтобы представить. Чтобы быть человеком.

И пока был хоть один такой человек, культура не умирала. Книги не умирали. Человечество не умирало.

И в этом была победа Вероники Золотовой. Её золотуха. Её проклятие и её благословение.

Глава первая. Золотуха и железный нож

I.

Вероника Золотова стояла посреди аудитории имени Степана Шевырева — этого мрачного, пропахшего плесенью и вековой пылью зала, где когда-то сам Белинский, говорят, рвал рукописи своих оппонентов в клочья, а теперь здесь пахло только дешёвым освежителем воздуха и потом второкурсников. Она сжимала пальцами собственную курсовую работу — пачку листов формата А4, переплетенных в дешевый пластиковый «пищаль», и этот пищаль в её руках казался хрупким позвонком какого-то доисторического ящера, последним свидетелем эпохи, которой больше нет.

Кровь стучала в висках с такой силой, что Вероника слышала этот ритм внутри себя — глухой, настойчивый, похожий на удары гигантского сердца, которое бьётся где-то глубоко под землёй. Она чувствовала, как под ногтями пульсирует каждая капилляр, как желчь поднимается к горлу, отдавая горечью во рту — той самой горечью, которую она помнила с детства, когда бабушка поила её отваром полыни. «Золотуха, — называла её бабушка, — болезнь наша фамильная, от неё не лечат, а вымаливают».

Она смотрела на лица однокурсников. Двадцать три человека, каждый со своим экраном, каждый с своим миром, который умещается в шестидюймовом стекле. Они не смотрели на неё. Они смотрели в свои телефоны — даже сейчас, в этот ответственный момент защиты курсовой, они листали ленту, ставили лайки, проглатывали короткие сообщения, как витаминки, которые не насыщают, но создают иллюзию жизни. Рита Хованская, та, что всегда ходила с томиком Цветаевой как с модным аксессуаром, сейчас читала в телефоне что-то про новые

губы Ким Кардашьян. Петя Луговой, который писал диссертацию о Достоевском, синхронно переписывался в трёх чатах одновременно. Только Володя Сазонов, староста, смотрел на неё с каким-то странным выражением — смесь страха и любопытства, как будто он видел перед собой пассажира, который хочет выпрыгнуть из поезда на полном ходу.

— Вы не понимаете! — крикнула она, и голос её сорвался на петушиный фальцет, потому что студенты второго курса вообще не должны так кричать на доцента в присутствии комиссии, и тем более не должны кричать о таких вещах, о которых она кричала. — Это ведь не просто предмет! Это же способ существования! Мы сейчас говорим о том, что через два года я выйду отсюда с дипломом. Я буду уметь писать. Я буду уметь анализировать. Я буду критиком, я буду прозаиком, я буду тем человеком, которого будут цитировать в умных журналах, но я никогда не смогу...

Она запнулась. Слова встали поперек горла, как рыбья кость — острая, колючая, застрявшая в самой глотке, не дающая дышать. Вероника попыталась сглотнуть, но горло пересохло, язык прилип к нёбу, и только глаза — эти большие, жёлтые, как у совы, глаза — продолжали метать молнии в сторону доцента Некрасова.

— Не сможете что? — лениво осведомился доцент, поправляя очки на переносице. Очки были старые, с потёртой дужкой, и Вероника знала эту историю: Некрасов носил их уже двадцать лет, с тех пор как защитил докторскую по символистской поэзии. Он выглядел так, будто его только что разбудили посреди сытного обеда — сытого, но безвкусного, как картонная котлета в столовой филфака. — Продолжайте, Золотова. Мы все здесь для того, чтобы слушать именно вас.

— Я не смогу подержать в руках свою бумажную книгу! — выдохнула Вероника. Слова вырвались наружу вместе с воздухом, вместе с желчью, вместе с той горечью, которая копилась в ней месяцами, годами, — с того самого момента, как она впервые прочитала «Анну Каренину» в бабушкином издании 1956 года с пожелтевшими страницами и запахом ванили, который ни с чем не спутаешь.

Тишина в аудитории была такая, что было слышно, как на улице шуршат шины по мокрому асфальту, как в соседней аудитории кто-то читает лекцию по фонетике, как в животе у Пети Лугового урчит от голода. А потом кто-то на заднем ряду хрюкнул. Затем хрюканье переросло в смех — сначала сдавленный, как утренний кашель, потом всё более громкий, как взрыв, как цунами. Мир залился смехом — этот огромный железный молох, перемалывающий макулатуру в пыль, а людей в статистику. Смеялся доцент Некрасов, и очки его прыгали на переносице. Смеялась комиссия — профессор Рыбникова, которая когда-то редактировала «Новый мир», а теперь соглашалась на всё, что говорит начальство; и старший преподаватель Громов, который не написал ни одной статьи за последние пять лет, но зато отлично монтировал презентации. Смеялись даже те девчонки из параллельной группы, которые всегда носили с собой томик Цветаевой в качестве модного аксессуара, подчёркивающего их причастность к высокой культуре, — и в этом смехе Вероника слышала страх, потому что они тоже знали правду, они тоже её чувствовали, но боялись признаться.

— Золотуха, — сказал Некрасов, отсмеявшись, и в голосе его зазвенела сталь — холодная, режущая, как тот самый гидравлический нож, о котором Вероника читала в запрещённых теперь уже статьях. — Дорогая моя, ты путаешь мух с котлетами. Не надо путать интеллигенцию с интеллектуалами. Интеллигенция — это секта. Потомственная. Со своим ритуалом поклонения бумаге. Она останется в прошлом, и, честно говоря, для страны это будет только благо. Книга — это носитель. Контент. Информация. Авторам платят не за запах типографской краски, не за шершавость страницы, не за то, как красиво смотрится корешок на полке. Им платят за факт появления интеллектуальной собственности. Всё. И точка. Нет никакой магии. Есть только экономика.

Вероника почувствовала, как её «золотуха» — та самая желтизна под кожей, которую она ненавидела с детства, та болезнь, которая делала её похожей на пожухлый осенний лист, — проступает на скулах яркими пятнами стыда и гнева. Она слышала слова Некрасова, но в ушах у неё стоял другой звук — звук разрезаемой бумаги. Она видела этот нож во сне уже вторую неделю подряд. Огромный, блестящий, как лезвие гильотины. Он опускался на стопку книг — на «Войну и мир», на «Братьев Карамазовых», на блоковскую «Двенадцать», на томик Ахматовой, который бабушка прятала под матрасом в блокадном Ленинграде. Нож опускался, и книги кричали. Не метафорически, а по-настоящему — тот звук, который издаёт разрезаемая бумага, был для Вероники криком боли, агонии, последним вздохом целой цивилизации.

Она смотрела на свои руки — тонкие, с длинными пальцами, которые исписывали тысячи страниц в тетрадах. Эти руки хотели держать книгу. Свою книгу. Ту, которую она напишет через два года, три, четыре. Она уже знала её название — «Пепел и бумага». Она уже слышала, как будет шуршать страница, когда читатель перевернёт её. Она чувствовала запах типографской краски и клея. И вдруг поняла, что этого не будет. Никогда. Потому что к тому времени, как она закончит университет, бумажная книга станет предметом роскоши. Аристократической прихотью. Тем, что хранят в сейфах и показывают на званых ужинах, как старинную монету или фамильный портрет.

— Но я не хочу, чтобы мои читатели смотрели в экран, — прошептала Вероника, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, но она не дала им пролиться, потому что слезы — это слабость, а слабость здесь смертельна. — Я хочу, чтобы они лежали с моей книгой на диване. Чтобы она пахла. Чтобы она жила. Чтобы они могли передать её своим детям, а те — своим. Чтобы библиотеки были полны, а не пусты.

— Вероника, — доцент наклонился к ней, и от него пахло дешевым кофе и усталостью — той усталостью человека, который давно перестал верить в то, чему учит, но продолжает учить, потому что другого ремесла не знает. — Книга уже не живет. Она превратилась в товар класса люкс. Для избранных. Для богатых. Чтобы обеспечить знаниями своих детей, они будут заказывать печатный экземпляр маленьким тиражом. На специальной, адово дорогой бумаге, которая не гниёт, не желтеет, не рассыпается в прах. Стоить это будет как отдельное состояние. И антикварная стоимость будет расти быстрее, чем курс биткоина. Ты этого хочешь? Чтобы твоя книга превратилась в золотую монету, которую держат в сейфе и показывают гостям за ужином? Готовься, милая. Или оцифровывайся. Или сдохни.

Эти последние слова — «или сдохни» — повисли в воздухе, как гильотина над головой. В аудитории стало тихо. Даже Рита Хованская оторвалась от своего телефона и посмотрела на доцента с ужасом. Петя Луговой перестал печатать. Володя Сазонов побледнел. И в этой тишине Вероника услышала, как в коридоре включился сканер — тот самый сканер, на котором оцифровывали редкие книги из университетской библиотеки. Звук был похож на шипение змеи.

II.

В тот вечер Вероника шла по Тверской, и город казался ей гигантской помойкой, где вместо людей порхали оцифрованные тени. Москва, которую она любила с детства, Москва Пастернака и Булгакова, Москва старых букинистических лавок и пыльных архивов, теперь выглядела как декорация к голливудскому блокбастеру — яркая, шумная, пустая внутри.

Она прошла мимо книжного магазина на Тверском бульваре. Когда-то здесь были стеллажи до потолка, запах свежей полиграфии и очереди за новинками. Теперь магазин торговал сувенирами, магнитами и футболками с надписями «Я люблю Москву». Книги занимали один угол, и там лежали только бестселлеры в мягкой обложке — те самые, которые можно прочитать за один перелёт и забыть на следующий день. Бумага была тонкая, серая, как газетная, и Вероника знала, что через два года она рассыплется в труху, потому что на такой бумаге печатают только то, что не должно пережить своего автора.

Она зашла в подземный переход, где раньше, на её памяти, стоял букинист, сутулый старик с седой бородой, которого она называла про себя «дедушка Книга». Она покупала у него сборники Бродского и страшные советские детективы в мягкой обложке по дешевке. Он всегда давал ей скидку, когда она брала больше трёх книг, и всегда говорил: «Ты, девонька, книги береги, они как люди — помнят добро». Он угощал её чаем из гранёного стакана, и они обсуждали Есенина, которого он знал наизусть, и Солженицына, которого он читал ещё в самиздате, передавая из рук в руки, как запретный плод.

Теперь здесь зияла пустота. Только пыльный след от прилавка. Даже стул исчез.

Вероника остановилась и почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Она вспомнила, как ещё полгода назад проходила мимо и видела этого старика, который читал «Трёх товарищей» Ремарка — книгу с оторванным корешком, перевязанную синей ниткой, как перевязали бы рану на теле солдата. Старик пил чай из гранёного стакана, держал книгу в дрожащих руках и никуда не спешил. Он знал, что у него есть время. У него была вечность между страниц.

А сегодня его не стало. И никто не знал, куда он делся. Может, умер. Может, уехал к дочери в Питер. Может, его просто стёрли, как стирают ненужный файл с компьютера. Продавца нет, а книги... Вероника оглянулась и увидела груды списанной литературы у мусорных баков. Ветер перелистывал страницы мокрого романа, словно сама природа пыталась дочитать историю до конца, как бы ни старались её прервать.

Она подошла к баку. Это была «Война и мир» — издание 1978 года, в зелёной обложке, с золотым тиснением. Книга валялась среди картонных коробок и пластиковых бутылок, страницы её размокли от дождя, но текст всё ещё был читаем. Вероника подняла её. Она была тяжёлой. Реальной. Физической. Вероника прижала её к груди и почувствовала, как холодная вода пропитывает её пальто, но ей было всё равно. Она чувствовала биение жизни в этом мокром томе. Сердце Наташи Ростовской билось внутри. Пьер Безухов думал свои вечные мысли. Андрей Болконский смотрел на небо.

Она стояла посреди перехода, и прохожие обходили её как сумасшедшую. Одна женщина с коляской покосилась и ускорила шаг. Мужчина с телефоном уткнулся в экран и чуть не врезался в столб. Никто не остановился. Никто не спросил: «Девушка, вам помочь?».

— Вы же не понимаете, — прошептала Вероника, обращаясь к пустоте. — Это же не просто книга. Это память. Это то, что нас делает людьми.

Но пустота молчала. Только ветер шевелил страницы, как мёртвые крылья бабочек.

Она положила книгу обратно — не потому, что не хотела её взять, а потому, что поняла: взять её сейчас — значит признать, что бумажная книга уже мёртва, что она уже стала мусором. Вероника не могла этого признать. Вместо этого она достала телефон и сфотографировала груды книг. Она знала, что эта фотография ляжет в её статью. Она знала, что это будет крик отчаяния, который никто не услышит. Но она должна была кричать.

III.

Дома, в своей комнате в общежитии на улице Годовикова, Вероника села за стол и открыла ноутбук. Комната была маленькая, на четверых, но сейчас соседки ушли на вечеринку к пятикурсникам, и она была одна. На стене висел портрет Мандельштама — старый, пожелтевший, вырезанный из журнала «Знамя» 1992 года. Под ним стоял стеллаж с книгами — её гордость, её сокровище, её единственная собственность. Здесь были томики Пастернака, и Бродского, и Цветаевой, и Ахматовой, и того же Мандельштама, и ещё сотня других авторов, которых она собирала по букинистическим лавкам, по интернет-барахолкам, из рук умирающих профессоров, которые больше не хотели хранить свои библиотеки.

Вероника провела пальцами по корешкам, как слепой по лицу любимого человека, и почувствовала, как из глаз потекли слёзы — те самые, которые она сдерживала в аудитории имени Шевырева. Она больше не могла их удерживать. Они лились, и она не вытирала их,

потому что слезы были единственным доказательством того, что она ещё жива, что она ещё чувствует, что она не превратилась в одну из этих оцифрованных теней, шуршащих по Москве.

Она открыла папку «Курсовая. Четвёртый семестр» и начала печатать. Пальцы летали над клавиатурой, и текст рождался сам собой, как будто кто-то другой водил её рукой, кто-то, кто знал больше, чем она, кто-то, кто видел будущее и ужасался ему.

Она написала про *Антропиг*. Про гигантскую контору, которая покупает книги вагонами. Срезает корешки гидравлическим ножом. Пропускает листы через протяжный сканер. А то, что остаётся — макулатуру — перерабатывают. Обратно в дерево. Цикл замкнут. Книга начинается как дерево и заканчивается как дерево. А знания, которые были внутри, — они превращаются в нематериальный актив. В байты. В цифры. В то, что можно продать, купить, передать по лицензии.

«Деструктивный метод», — говорили они в том репортаже, который она смотрела ночью, захлёбываясь собственным гневом, сжимая подушку так, что ногти прорывали ткань. Дешёвый. Быстрый. Эффективный. Триста граммов бумаги заходят на конвейер — и через минуту выходят в виде распределения вероятностей внутри алгоритма.

Она помнила, как в том репортаже букинист — ещё один, не дедушка Книга, а другой, из Питера, — рассказывал, что с апреля продаёт тысячи книг в неделю вместо десятков. И главный признак покупателя — полное безразличие к цене. «Это примета ИИ, у них очень много денег», — сказал букинист, и его глаза блестели от жадности и отчаяния одновременно. Он разгружал свои склады, но знал, что продаёт книги на смерть. На переработку. На съедение железнному молоху.

Вероника вспомнила, как в том же репортаже показывали склад. Огромный, как ангар, забитый книгами от пола до потолка. Стеллажи уходили ввысь, теряясь в полумраке. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч книг. Классика и бестселлеры. Монографии и учебники. Детективы и романы. И все они ждали своей участи — попасть под нож.

Она закрыла глаза и увидела этот нож. Он опускался на стопку. Раз — и корешки отрезаны. Два — и страницы распадаются на отдельные листы. Три — они уходят в сканер. И в этом ритме была какая-то чудовищная, механическая эстетика — как у конвейера на бойне, где убивают скот. Только здесь убивали мысли.

Внутри Вероники бушевало — там, где жил инстинкт. Там, где Мо Янь описывал боль как красную нить, прошивающую судьбу каждого человека на этой грешной земле. Она чувствовала этот нож в своём сердце. Нож, который режет корешки всех книг, которые она любила. Нож, который режет её саму, её прошлое, её будущее, её надежду когда-нибудь увидеть своё имя на бумажной обложке.

Она открыла глаза и продолжила печатать.

«Раньше знания "приобретали" долго, в муках, и они хранились в голове, куда не дотянется ни один юрист. Это было неотчуждаемым богатством, недоступным капиталу. Человек с книгой в голове был неприкасаемым — его нельзя было купить, отобрать, конфисковать. Он носил свою библиотеку в себе, и это делало его свободным. Теперь знания покупают в прямом смысле. С накладной. С инвойсом. С актом приёма-передачи. На входе — 300 грамм бумаги, штамп расформированной библиотеки, чья-то пометка карандашом. На выходе — нематериальный актив на балансе. Оприходованная интеллектуальная собственность, которая стоит денег, которую можно продать, но которую уже нельзя прочитать так, как читали раньше — с чувством, с толком, с расстановкой, в тишине ночной комнаты при свете настольной лампы».

Она вспомнила, как вчера разговаривала с Алисой. Это был странный, почти сюрреалистический разговор, который засел в ней как заноза.

— Алиса, что значит «Тывын-Тымын» по-чукотски?

Алиса задумалась. Секунда, две, три. Сервер где-то в далёком дата-центре перебирал байты в поисках ответа.

— Я не знаю, — сказала Алиса своим мягким, безжизненным голосом. — Но я люблю учиться. Расскажи мне.

Вероника улыбнулась — грустно, с горечью.

— Это из книги Семушкина «Алитет уходит в горы». Там чукчи говорили так, когда хотели сказать: «Не знаю, не понимаю». Это ведь не просто фраза. Это целый мир. Мир людей, которые жили в тундре, которые разговаривали с оленями, которые верили в духов. И ты, Алиса, не знаешь этого мира, потому что ты — пустая.

Через две минуты Алиса ответила. И Вероника застыла в ужасе. Алиса пересказала ей содержание «Алитета». Точно, подробно, сухо — как это делают в школьных учебниках. Она сожрала книгу Семушкина, переварила её, перемолола и выдала обратно в виде краткого изложения. Без запаха тундры. Без горечи. Без бумаги, на которой это было напечатано. Без души.

Вероника тогда долго сидела в темноте, глядя на экран телефона, и думала. Ей казалось, что она слышит, как где-то там, в цифровых недрах, перемалываются книги — сотнями, тысячами, миллионами. Их режут, сканируют, уничтожают физически, чтобы оставить только дух. Но дух этот был мёртвым. Мёртвым, как отпечаток на бумаге.

IV.

К утру у Вероники была готова курсовая. Она называлась «Онтология смерти носителя: от дерева к знанию и обратно». Это была не просто студенческая работа — это был манифест. Крик о помощи. Пощёчина всему миру, который смеялся над ней в аудитории имени Шевырева.

Она написала про суд, который недавно прогремел на весь мир. Авторы в коллективном иске судились с *Антропиг* два года. Два года адвокатов, двухгодичные заседания, экспертизы, обжалования, апелляции. И что они получили?

Пиратство признали. За него заплатили полтора миллиарда долларов — крупнейшее урегулирование по авторскому праву в мировой истории. Это были огромные деньги. Теперь все авторы, чьи книги скормили машине, получили компенсацию. Они могли купить себе новые дома, новые машины, новые смартфоны. Они могли забыть о боли и унижении.

Но вопрос, ради которого всё затевалось, решили отдельно. Судья, старый седой человек, который, как говорили, сам в молодости писал стихи, постановил: покупать книги легально, перемалывать и обучать на них модель — это добросовестное использование. Это законно. Это нормально. Это этично.

Вероника перечитала этот абзац пять раз, и каждый раз ей хотелось выть. Она представила себе того судью. Может быть, у него дома есть библиотека, которая передаётся по наследству. Может быть, он гладит корешки по вечерам, вспоминая молодость. Но он вынес этот приговор, потому что так было написано в законах, которые писали другие люди. Потому что он был частью системы. Потому что он боялся. Потому что он уже не мог повернуть время вспять.

«Плата присуждена за то, что компания поленилась купить то, что можно было купить, — написала Вероника. — То есть сегодняшний рыдающий класс сходил в суд, выиграл компенсацию и проиграл принцип. По обоюдному согласию, кстати, истцы взяли деньги, ответчик закрепил правило. И теперь это правило будет действовать всегда. Книгу можно покупать, чтобы уничтожить. Можно перерабатывать в макулатуру, если ты заплатил за неё. Можно вырезать из неё знания и превратить их в нефть, в золото, в информационную валюту, на которой будут зарабатывать миллиарды».

Она помнила, как в документах, вскрытых судом, был целый ворох смет. Стоимость деструктивного сканирования. Стоимость недеструктивного. Разница была огромной. «Антропиг» выбрала дешёвый путь, поставила галочку в графе «дешевле», и с этой развилки пошло-поехало.

Она помнила компанию ISBNdb, которая тридцать лет вела базу штрихкодов, а сегодня подбирает ИИ-лабораториям бумажные книги партиями до миллиона штук. «Эти книги уже

полностью погасили свои финансовые обязательства перед своими создателями», — говорилось в пресс-релизе. «Они выполнили свою функцию». И дальше следовал раздел про ответственную утилизацию: «Завершение жизненного цикла книги: от дерева к знанию и обратно к дереву».

Вероника задумалась над этой фразой. «От дерева к знанию и обратно к дереву». Красиво. Гладко. Убедительно. Как будто книга — это просто стаканчик из-под кофе, который можно выбросить в переработку. Как будто знания — это просто товар, который заканчивается, когда его использовали. Как будто культуру можно рециркулировать.

Она представила себе миллионы книг, которые уже ушли в переработку. Библиотеки, которые закрылись за ненадобностью. Школы, которые перестали покупать учебники, потому что дети всё равно смотрят в планшеты. Университеты, которые оцифровали свои фонды и выбросили всё на помойку. Институты, которые разорились. А вместо них пришли другие институты, которые покупают книги не для того, чтобы их читали, а для того, чтобы учили машины.

Институт, который покупал книги, чтобы люди читали, разорен. Институт, который покупает книги, чтобы люди больше не читали, платит.

Вероника процитировала этот парадокс в своей курсовой и почувствовала, как от этой фразы веет холодом, похожим на дыхание могилы. Это ведь не просто смена экономической модели. Это смена цивилизационной парадигмы. Мир, в котором книги читали, уходит. Приходит мир, в котором книги перерабатывают, чтобы кормить машины. И мы — та самая интеллигенция, которая веками составляла опору культуры, — мы становимся не нужны.

Она закрыла ноутбук и вышла на балкон. Ночь была влажной, тягучей, как сироп. Москва спала, и только редкие машины прорезали темноту своими фарами. Вероника посмотрела вниз и увидела, как во дворе грузовик сгружал коробки. Коробки были подписаны фломастером: «Гуманитарная литература. Подлежит списанию и деструктивной оцифровке».

Сердце её сжалось. Она узнала эту литературу. Это были книги из библиотеки её университета — те самые, которые она брала в прошлом году, когда писала реферат по Толстому. Она вспомнила, как перелистывала их, как вдыхала запах старой бумаги, как засыпала с ними в руках. И вот они лежат в коробках, ждут своей участи. Ждут ножа. Сканера. Переработки.

Она выбежала из комнаты, скатилась по лестнице вниз, выбежала во двор, готовая кричать, готовая драться, готовая вырвать эти книги из рук грузчиков. Но грузчиков не было. Только пустой грузовик с открытым кузовом. И коробки, уже стоящие на асфальте. Десятки коробок. Сотни книг.

Вероника подошла к одной из них, открыла. Там лежал томик «Преступления и наказания» — её любимый роман. Она прочитала его шесть раз, и каждый раз находила что-то новое. Она держала эту книгу в руках и плакала. Плакала навзрыд, как ребёнок, потерявший мать. Плакала, потому что знала: завтра эти книги будут перемолоты в макулатуру, и их души отправятся в цифровой ад, где их проглотит голодное чудовище, никогда не насыщающееся.

— Вы не понимаете, — прошептала она в темноту, но темнота молчала. — Это же не просто книга. Это же человек. Это же я. Это же мы все.

Она взяла эту книгу с собой. Она не могла её оставить. Она прижала её к груди и понесла в свою комнату. Это было воровство, мелкое, незначительное, но она чувствовала себя Робин Гудом, спасающим культурное наследие от огня. Она спрятала книгу под подушку и села за стол.

V.

Вероника открыла ноутбук и стала писать не курсовую, а статью. Резкую, как удар плетью. Она писала быстро, испуганно, как одержимая. Пальцы летали над клавиатурой, и слова рождались из воздуха, из крови, из той самой горечи, которая жила в ней с детства.

«Друзья мои! Те, кто ещё помнит, как пахнет типографская краска! Те, кто ещё может закрыть глаза и вспомнить, как впервые прочитал "Войну и мир" в бабушкином издании, с пожелтевшими страницами и запахом ванили! Я обращаюсь к вам! Мы теряем нашу культуру. Не в переносном, а в прямом смысле — мы теряем физическую основу нашего существования. Книги сжигают не на площадях, их режут гидравлическими ножами и перерабатывают в макулатуру, чтобы кормить искусственный интеллект. Это происходит здесь и сейчас. В Москве. В Питере. В вашем городе. Не верьте тем, кто говорит, что это прогресс, что это эффективность, что это нормально. Это не прогресс. Это каннибализм. Это поедание самого себя. Это конец.

Но я не хочу, чтобы это был конец! Я призываю вас: давайте спасать бумажную книгу! Давайте кричать, пока не охрипнем! Давайте бороться, пока не упадём замертво! Давайте создавать агрессивную рекламу виртуальных библиотек Рунета, потому что, если книги уже уходят в цифру, давайте сделаем эту цифру доступной для всех, давайте поднимем сервера, давайте наполним их текстами, давайте превратим интернет в гигантскую библиотеку Александрии, которую невозможно сжечь!

Но при этом не дайте умереть чувству! Не дайте умереть воспоминанию о том, как книга лежит в руке, как она пахнет, как она шуршит, как она живёт! Бумажная книга — это не просто носитель. Это артефакт. Это мост между эпохами. Это диалог с прошлым. И когда мы теряем этот диалог, мы превращаемся в бессловесных идиотов, которые способны только проглатывать короткие новости и ставить лайки.

Я знаю, что мир смеётся надо мной. Я знаю, что меня называют безумной, что мои однокурсники крутят пальцем у виска, а доценты говорят, что я отстала от времени. Но я не сдамся. Я буду писать. Я буду кричать. Я буду биться головой о стену, даже если эта стена — целый мир. Потому что если я перестану кричать, значит, я признаю своё поражение. А я не хочу поражения. Я хочу победы. Победы бумаги над алгоритмом. Победы человека над машиной. Победы мысли над байтом.

Присоединяйтесь ко мне. Боритесь. И помните: когда вы держите в руках бумажную книгу, вы держите в руках не просто бумагу. Вы держите в руках душу. Нашу душу.

Она напечатала последнюю строчку и откинулась на стуле. Руки дрожали, глаза жгло от напряжения, но внутри было странное спокойствие — как после шторма, когда море успокаивается и снова становится гладким, как стекло. Она сделала то, что должна была сделать. Она крикнула. Она выплеснула свою боль, свою ярость, свою надежду.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, кто ответит. Ждать, кто подхватит её крик. Ждать, кто скажет: «Я с тобой».

Вероника посмотрела на стеллаж с книгами. Сотни томов смотрели на неё с полок, как старые друзья, как мудрые советчики. Она почувствовала их поддержку. Она знала, что они живы — по крайней мере, пока она жива. И пока она дышит, пока она пишет, пока она кричит, они не умрут окончательно.

Она встала, подошла к стеллажу, взяла томик Блока — тот самый, купленный у бабушки. Книжки в переходе на Тверской. Открыла его наугад.

«Я, отрок, зажигаю свечи, / Огонь кадильный берегу...»

Вероника прочитала эти строчки вслух, и голос её звучал тихо, но твёрдо. Она зажгла свечу на столе — простую, восковую, купленную в церковной лавке. Пламя заколыхалось, отбрасывая тени на стены.

— Я не дам вам умереть, — сказала она книгам. — Я буду вашим голосом. Я буду вашей памятью. Я буду той, кто скажет правду, когда все вокруг будут молчать.

Она села за стол, взяла ручку и начала писать от руки — на бумаге, на той самой бумаге, которую защищала. Она писала новую главу своей будущей книги. Главу о мире, в котором книги стали роскошью. Главу о том, как человечество потеряло самое ценное, что у него было, — способность читать медленно, вдумчиво, с чувством, с толком, с расстановкой.

В окно влетел ветер, и свеча замигала, но не погасла. Вероника подняла глаза и увидела в стекле своё отражение — молодую женщину с жёлтым лицом, горящими глазами и длинными, бледными пальцами, которые держали ручку. Она улыбнулась своему отражению.

— Мы будем бороться, — сказала она. — Мы будем бороться до конца. Потому что если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?

Она продолжила писать. Ночь была долгой. Но утро принесёт надежду.

VI.

На рассвете Вероника проснулась от того, что кто-то стучал в дверь. Она не сразу поняла, где находится, — голова гудела, руки болели от долгого письма, а на столе догорала свеча. Она встала, пошатываясь, открыла дверь.

В коридоре стоял Володя Сазонов. Староста. Тот самый, который смотрел на неё с выражением страха и любопытства во время защиты. Он держал в руках распечатанный лист — её статью. Ту самую, которую она написала ночью.

— Вероника, — сказал он, и голос его дрожал. — Я прочитал это. Ты... ты правда думаешь, что мы можем что-то сделать?

Вероника посмотрела на него и увидела в его глазах тот же огонь, который горел в ней. Огонь отчаяния и надежды одновременно.

— Мы можем, — сказала она. — Мы обязаны.

Володя кивнул и зашёл в комнату. Он остановился перед стеллажом с книгами и провёл пальцами по корешкам.

— У меня тоже есть книги, — сказал он. — Мама передала. Бабушкины. Старые. Я всегда думал, что они — просто память. А теперь понимаю, что они больше, чем память. Они — оружие.

— Ты прав, — сказала Вероника. — Они — наше оружие. И мы будем им пользоваться.

Они стояли перед стеллажом, и первые лучи утреннего солнца пробивались сквозь занавески, освещая золотые корешки книг. В этом свете Вероника увидела будущее — не то, которое её пугало, а то, которое она хотела создать. Будущее, в котором книги не умрут. Будущее, в котором они будут жить вечно.

Она взяла Володю за руку.

— Мы сделаем это, — сказала она. — Мы спасём наши книги. Мы спасём нашу культуру. Мы спасём себя.

И в этот момент Вероника Золотова, которую однокурсники называли «Золотухой» из-за жёлтого цвета лица, но которая на самом деле была золотым человеком, чистым и сияющим, как название её болезни, почувствовала, что впервые за долгое время она не одна. И это чувство придало ей сил.

Она подошла к столу, взяла свой телефон и открыла чат группы. Пальцы её дрожали, но она начала печатать.

«Друзья! Я знаю, что вы читаете это. Я знаю, что вы, как и я, видите, что происходит с нашими книгами, с нашей культурой, с нашей страной. Я не призываю вас к революции. Я призываю вас к действию. Давайте создадим сообщество. Давайте будем защищать наши библиотеки. Давайте будем писать, переводить, оцифровывать, но при этом не забывать, что настоящая книга — это книга в руке. Мы можем изменить мир. Если захотим».

Она нажала «отправить». И замерла в ожидании.

Прошла минута. Другая. Третья. И вдруг телефон загудел — одно сообщение, второе, третье. Это были однокурсники. Это были её друзья. Это были те, кто смеялся над ней в аудитории имени Шевырева, но теперь, в тишине утра, они поняли её боль.

«Я с тобой», — написала Рита Хованская.

«И я», — написал Петя Луговой.

«Мы все с тобой, Золотуха», — написал кто-то ещё.

Вероника заплакала. Но это были слёзы радости. Первые слёзы радости за долгие месяцы. Она посмотрела в окно. Солнце уже поднялось над Москвой, освещая купола церквей, башни Кремля, бесконечные серые здания, в которых жили миллионы людей. И в каждом из этих зданий, в каждой квартире, в каждой комнате стояли книги. Мёртвые или живые, старые или новые, забытые или любимые. И все они ждали, когда их спасут.

Вероника взяла со стола тот самый томик Блока и открыла его на последней странице.

«И вечный бой! Покой нам только снится / Сквозь кровь и пыль...»

Она улыбнулась.

— Вечный бой, — сказала она. — Значит, мы будем драться.

И в этом была её судьба. Её золотуха. Её проклятие и её благословение.

Глава вторая. Чай в гранёном стакане

I.

Через три дня после защиты курсовой Вероника Золотова стояла у входа в Центральную городскую библиотеку имени Некрасова — не того доцента, который смеялся над ней в аудитории Шевырева, а того самого поэта, который пел о русской женщине и не знал, что через сто лет его имя будет носить здание, где книги уже начали умирать. Здание было сталинским, серым, массивным, с колоннами, которые держали фронтон, как плечи Атланта держат небо. Но плечи эти обвисли, штукатурка осыпалась, а на дверях висел огромный замок — не просто замок, а символ, железный кулак, сжавшийся над входом.

Вероника пришла сюда не случайно. После той ночи, когда она написала свой манифест и получила десятки сообщений от однокурсников, она поняла: кричать в пустоту недостаточно. Нужно видеть. Нужно трогать. Нужно стоять там, где книги умирают, и смотреть им в глаза, как смотрят в глаза умирающему другу, чтобы запомнить его последний вздох.

Володя Сазонов стоял рядом. Он был бледен, под глазами залегли тени, но в них горел тот же огонь, что и у Вероники — огонь безумцев, которые решили сражаться с ветряными мельницами. Он держал в руках старую фотографию — чёрно-белый снимок 1978 года, где библиотека была полна людей: студенты с конспектами, пенсионеры с очками на носу, дети, сидящие на полу в детском отделе, взрослые, стоящие в очереди к каталогу. На фотографии не было телефонов. Не было планшетов. Были только книги и люди, которые их читали.

— Моя мама работала здесь, — сказал Володя тихо, и голос его дрожал, как струна, которую вот-вот порвут. — Тридцать лет. С 1985 по 2015. Она знала каждую книгу на этой полке. Она могла найти любую цитату за пять минут. Она помнила читателей по именам. А потом её сократили. Сказали: «Пенсия будет, иди домой». И она пошла. А через год библиотеку начали закрывать.

Вероника сжала его руку. Она чувствовала его боль, как свою собственную — она проникала под кожу, разливалась по венам, смешивалась с её «золотухой», делая её ярче, желтее, горячее.

— Мы войдём, — сказала она. — Мы должны войти.

Они обошли здание с тыльной стороны. Там была дверь для персонала, которую забыли закрыть. Вероника толкнула её плечом — дерево скрипнуло, как старый больной, и поддалось. Внутри пахло сыростью, плесенью и... и книгами. Но этот запах был не живым, не тёплым, как в её комнате. Это был запах агонии — когда от живого существа остаётся только запах, а самого существа уже нет.

Они прошли через коридор, где на стенах висели портреты классиков — Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов. Портреты выцвели, на Пушкине было пятно от протекавшей трубы, и выглядел он так, будто плакал. Вероника остановилась перед ним и провела пальцами по стеклу.

— Прости, — прошептала она. — Мы не уберегли.

Володя тронул её за плечо.

— Идём. Там, в главном зале.

Они вошли в главный читальный зал. И Вероника замерла.

Зал был огромным — высотой в два этажа, с колоннами, с лепниной на потолке, с огромными окнами, сквозь которые лился серый, унылый московский свет. Но стеллажи были пусты. Совершенно пусты. Только пыльные следы на полках напоминали о том, что здесь когда-то стояли тысячи книг. Только ярлычки с шифрами — "821.161.1", "94(47)", "51(09)" — висели на опустевших местах, как таблички на могилах, от которых остался только прах.

В центре зала лежала груда книг. Не на стеллажах, а на полу — как трупы на поле боя. Сотни, тысячи томов, сброшенных с полок в беспорядке. Некоторые были раскрыты, и страницы их шевелились от сквозняка, как будто книги ещё пытались читать себя сами. Другие были перевязаны бечевкой, приготовленные к вывозу. Третьи были разорваны — не специально, а просто от старости, от безнадёжности, от того, что их никто не брал в руки.

Вероника опустилась на колени перед этой грудой. Она взяла одну книгу — томик стихов Анны Ахматовой 1966 года издания. Обложка была выцветшей, страницы пожелтели, но текст был жив. Она открыла его наугад.

«И если когда-нибудь в этой стране / Мне поставят памятник, / Я согласна и на это, / Но только не ставьте его у моря...»

Вероника заплакала. Слёзы падали на страницы, и чернила расплывались, но она не вытирала их. Она читала дальше, шёпотом, как молитву.

— Мы не позволим, — сказала она книге. — Мы не позволим им сделать из тебя макулатуру.

Володя стоял рядом и смотрел. Он не плакал — он был мужчиной, и в его семье мужчины не плакали, даже когда умирала мать, даже когда закрывали библиотеку, где она проработала всю жизнь. Но его лицо было искажено гримасой боли, как у человека, который проглотил стекло.

— Она говорила, — сказал он тихо, — что книги — это не просто слова. Она говорила, что у каждой книги есть душа. Что когда ты читаешь книгу, ты разговариваешь с человеком, который жил сто, двести, пятьсот лет назад. Что ты становишься его собеседником, его другом, его учеником. Она говорила, что книга — это мост между мёртвыми и живыми.

— Она была права, — сказала Вероника, поднимаясь с колен. — И сейчас мы стоим на этом мосту, который рушится.

II.

Вероника и Володя начали разбирать груду. Не для того, чтобы спасти все книги — это было невозможно, их были тысячи, а у них только две пары рук. Они делали это как ритуал. Как поминки. Брали каждую книгу, проводили пальцами по обложке, открывали, читали несколько строк, закрывали, ставили отдельно — в стопку «живых» книг, которые не должны умереть.

Первой в стопку пошла Ахматова. Потом — сборник рассказов Шукшина, 1974 года, с мягкой обложкой и фотографией автора, который смотрел с обложки прямо в душу. Потом — учебник по истории русской литературы для педагогических институтов, с пометками синей ручкой на полях, оставленными каким-то студентом сорок лет назад. Вероника читала эти пометки, и ей казалось, что она слышит голос того студента — молодого, горячего, влюблённого в Достоевского, который писал на полях: «Гениально!», «Это про нас!», «А что если Раскольников — это я?».

— Посмотри, — сказала она Володе, показывая ему пометки. — Он был живой. Он думал. Он спорил с автором. Он был частью этого диалога, который длится веками. А теперь... теперь никто не будет спорить с книгой, потому что книга будет просто кормить машину.

Володя взял учебник, провёл пальцем по пометкам и почувствовал под пальцами чернила, которые впитались в бумагу сорок лет назад.

— Мы должны сохранить это, — сказал он. — Не текст, а вот это — след человека. След жизни.

Они работали молча. Слышно было только, как шуршат страницы, как скрипят половицы под ногами, как где-то наверху капает вода из протекающей крыши — кап, кап, кап, как отсчёт времени, которое уходит.

Внезапно Вероника замерла. Она держала в руках книгу, которая была ей знакома. Это был «Алитет уходит в горы» Тихона Семушкина — то самое издание, которое она читала в детстве, когда бабушка водила её в районную библиотеку. Зелёная обложка, потёртая, с золотым тиснением, которое почти стёрлось. И внутри — запах ванили, смешанный с запахом старой бумаги и ещё чего-то, чего Вероника не могла определить — запаха детства, запаха беззаботности, запаха того мира, где книги были везде и всегда.

Она открыла книгу. На первой странице стоял штамп: «Библиотека им. Н.А. Некрасова, Москва». И дальше — даты выдачи. 1982, 1985, 1991, 1995, 2002, 2010. Каждый раз кто-то брал эту книгу, читал её, возвращал. Жизнь книги продолжалась почти сорок лет. А теперь она лежала в гряде мёртвых книг, ожидая своей участи.

— Бабушка, — прошептала Вероника. — Мы читали её вместе. Ты помнишь?

Она вспомнила бабушку — маленькую, седую, с морщинистыми руками и глазами, которые видели блокаду и смерть, но не потеряли света. Бабушка сидела в своём кресле-качалке, держа эту книгу в руках, и читала вслух:

«Тывын-Тымын», — говорили чукчи. «Не знаю, не понимаю».

И Вероника, маленькая, сидела на полу, слушала и смотрела на бабушку, и ей казалось, что бабушка читает не просто книгу, а открывает дверь в другой мир — мир тундры, мир оленей, мир людей, которые говорят с ветром.

— Я не дам тебе умереть, — сказала Вероника книге. — Ты будешь жить.

Она поставила «Алитета» в стопку «живых» книг — поверх Ахматовой, поверх Шукшина, поверх учебника по истории.

III.

Они работали до вечера. Стопка «живых» книг выросла до пояса. Но гряда книг на полу почти не уменьшилась — их было слишком много. Вероника чувствовала, как болят спина и руки, как под ногтями застряла пыль, как в горле пересохло от пыли и слёз. Но она не могла остановиться. Каждая книга, которую она брала в руки, кричала ей: «Я жива! Не дай мне умереть!».

В какой-то момент она наткнулась на дневник. Не книгу, а личный дневник, в тёмно-синей обложке с потёртыми углами. Он лежал среди учебников по физике и сборников партийных решений — странный предмет, чужеродный, как цветок на свалке. Вероника открыла его. Почерк был аккуратным, женским, с завитушками на буквах «ж» и «я».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.